

Когнитивно-лингвистическая интерпретация результатов автоматического анализа текстов психически больных*

Е. Н. Никитина^I, Н. К. Онипенко^{II}

^I ООО «Компьютерные системы ЛКС», Москва, Россия

^{II} Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен семантико-когнитивный анализ данных эмпирического исследования текстов психически больных и здоровых людей, проведенный с опорой на возможности системы автоматического анализа текста «Машина РСА». Обосновывается значимость категорий лица и времени для выявления когнитивно-речевых отличий между пишущими, относящимися к разным группам испытуемых («здоровые», «депрессия», «шизофрения»). Установлено, что выбор грамматической техники использования личных местоимений и личных форм глагола отражает разное видение отношений между личной сферой говорящего и окружающим его миром. Аргументируется перспективность междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: автоматический анализ текста, лингвистические особенности текстов, характерные для психических заболеваний шизофренического и аффективного спектра, текстовая стратегия, категория времени, категория лица, личная сфера, диалогизованность, обобщенно-личность, инклюзивность говорящего.

DOI 10.14357/20718594190307

Введение

На современном этапе развития науки междисциплинарные исследования текста, проводимые с опорой на машинный анализ, позволяют соединить масштабность и достоверность исследования с объяснительностью, присущей гуманитарным наукам. Междисциплинарное исследование предполагает распределение основных составляющих исследовательского процесса между несколькими научными областями: объект исследования, постановка задачи и окончательная интерпретация результатов принадлежат одной науке, сбор и обработка материала по заданным параметрам – другой дисциплине, а параметры, терминологический инструментарий

и промежуточная интерпретация полученных результатов – третьей.

Данная статья представляет результаты междисциплинарного проекта, соединяющего объект и задачу психологии, теоретический инструментарий лингвистического анализа текста и возможности его современного автоматического анализа. Объектом исследования стал корпус текстов (около 600 текстов), написанных на тему «Я, другие, мир» (объем – до 1 страницы) в жанре эссе, из них 27 текстов принадлежат больным с диагнозом «шизофрения», 43 текста – лицам в состоянии депрессии, 457 написаны здоровыми испытуемыми (назовем соответствующие группы текстов группа «здоровые», группа «депрессия», группа «шизофрения»). Исследуемый корпус текстов был

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 17-29-02305 офи_м «Разработка методов анализа текстов, порождаемых в ситуации психологического неблагополучия и психического нездоровья»).

✉ Онипенко Надежда Константиновна. E-mail: onipenko_n@mail.ru

собран клиническими психологами Научного центра психического здоровья РАН¹ в рамках продолжающегося исследования, результаты которого на предыдущих этапах отражены в [1, 2]. В [1] применялся разработанный для систем искусственного интеллекта метод реляционно-ситуационного анализа, который опирается на синтаксемный анализ Г.А. Золотовой и на концепцию неоднородных семантических сетей Г.С. Осипова. Кроме того, был применен метод частотного лексического анализа с использованием анализатора PLATIn, разработанного на основе процессора Exactus Expert. Показано, что тексты больных отличаются от текстов здоровых по ряду психолингвистических показателей, отражающих наличие дефицитарной психопатологической симптоматики, сосредоточенность больных на себе. В [2] тексты анализировались клиническими психологами (без компьютерных подсчетов), которые отметили сосредоточенность больных на себе, их амбивалентное или отрицательное отношение к себе, чувство изоляции от мира, ощущение неустойчивости, «зыбкости» окружающего мира. Значимо чаще в группе больных встречались «вычурные» тексты, а «разорванные» тексты были специфичны только для больных.

На сегодняшнем этапе проект расширился за счет участия лингвистов-исследователей, предложивших систему параметров (лексических, морфологических, синтаксических), при машинной обработке которых были получены количественные данные, характеризующие каждую из групп испытуемых. Целью исследования было установление некоторых связей между языком и мышлением в норме и патологии, как обусловленных решением частной темы разными груп-

пами испытуемых («Я, другие, мир»), так и вне обусловленности конкретикой темы.

В задачи статьи входит лингвистическое толкование статистически значимых корреляций по двум дейктическим категориям – категории лица, выражаемой местоимениями и формами глаголов, и категории времени в текстах, принадлежащих испытуемым с разным психическим статусом (здоровые, больные шизофренией, лица в состоянии депрессии). Тем самым в статье рассматриваются морфологические параметры, которые подверглись автоматическому количественному анализу и нуждаются в дискурсивно-семантической (в связи с закономерностями построения текста) и семантико-когнитивной (в связи с особенностями лексической и грамматической семантики) интерпретации.

Прежде чем интерпретировать результаты машинного обследования текстов, охарактеризуем заданную испытуемым тему с точки зрения ее лексического и грамматического потенциала. Тема «Я, другие, мир» предполагает, что пишущий рассуждает. Рассуждение как тип речи характеризуется тем, что пишущий обобщает знания и представления о предмете: употребляет глагольные формы настоящего времени в узуальном значении, ирреальные наклонения (сослагательное наклонение, формы с семантикой потенциальной модальности, инфинитивные конструкции), конкретные существительные в неконкретно-референтном (обобщенном) значении, абстрактные имена. На уровне синтаксиса рассуждение содержит сложные предложения, выражающие разные типы логических отношений (причину, условие, уступку, цель).

И рассуждение как тип речи, и предложенная тема эссе имеют особое отношение к местоимениям. Обобщающая стратегия рассуждения, а также сама тема эссе предполагают использование местоимений с кванторным значением (*все, весь, каждый, некоторые*); сюда же семантически примыкает количественное слово *многие*, существительные с обобщенным значением *люди, человек, мир, окружение*. Кроме того, предложенная тема эссе заставляет пишущего называть самого себя. Средством называния себя, в частности, является местоимение первого лица единственного числа *я*. Однако есть формы и конструкции, которые обнаруживают *Я* говорящего-пишущего без посредства самого местоимения *я*. В частности, показателями *Я* являются личные окончания

¹ Всего в исследовании приняли участие 70 пациентов клиники ФГБНУ НЦПЗ (29 мужчин и 41 женщина, средний возраст 24,1), проходящих лечение в отделе по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний, среди них 27 больных с диагнозом шизофренического спектра (согласно МКБ-10 F-20.04, F-20.05) и 43 человека с диагнозом аффективного спектра (согласно МКБ-10 F-31.3.F-32.1, F-33.10). Все больные наблюдались на этапе становления ремиссии. Диагнозы были верифицированы клиницистами центра. Критериями исключения были: наличие органический поражений и злоупотребление психоактивными веществами в анамнезе. Контрольную группу составили 457 здоровых испытуемых (122 мужчины и 335 женщин, средний возраст 23,4). Для статистического анализа использовалась программа SPSS, для сравнения групп применялся критерий различий Стьюдента.

глаголов настоящего–будущего времени в форме первого лица; анафорический синтаксический нуль (Ø), или значимое отсутствие, на месте именительного падежа при формах прошедшего времени (*Имя Ильчина я видел впервые, Ø не знал, что существует Учебная сцена. О Независимом Театре Ø слышал, Ø знал, что это один из выдающихся театров, но никогда в нем Ø не был* – М. Булгаков), восполняемый синтаксический нуль дательного падежа при предикатах состояния (*И Ø грустно и Ø скучно* = ‘мне скучно, грустно’), номинативные предложения (*Перо. Чернильница. Жара* – И. Бродский = ‘я вижу (или беру перо), ощущаю (жару)’), вводные слова с эпистемической (*наверное, по-видимому, кажется*), эмотивной (*к счастью, к сожалению*), речевой (*иначе говоря, иными словами, словом*) семантикой (подробнее о текстовых функциях категории лица и эгоцентрической грамматической технике [3,4]).

Поскольку заданная тема предполагает обсуждение отношений Я и других, Я и мира, пишущий эссе может употреблять (или не употреблять) личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа (*мы, наши*) и второго лица единственного и множественного числа (*ты, вы, твой, ваши*), которые либо соединяют индивидуальное Я с другими (обобщенно-личное значение), либо ограничивают индивидуальную личную сферу от остального мира.

Переходим к интерпретации полученных статистических данных. Для иллюстрации будут использоваться примеры из исследованного корпуса текстов.

1. Местоимение Я

Согласно полученным статистическим результатам, наибольшее количество форм местоимения первого лица единственного числа зафиксировано в работах группы «депрессия», наименьшее – в группе «здоровые». Это соотношение лингвистически можно объяснить следующими причинами: объемом речевой стратегии и наличием/отсутствием техники анафорической связности. В определенном смысле, это две стороны одной медали. Однако разберем их по отдельности. В группе «здоровые» меньшее количество форм местоимения Я может быть обусловлено, во-первых, значительным объемом речевой стратегии (большим, чем в других группах), которая проявляется в

использовании полипредикативных конструкций (сложных многочленных предложений). Соответственно, предикативные части таких конструкций соединяются не только союзной техникой, но и синтаксическим нулем (пропуск местоимения как средство анафорической связности): *Вообще я больше – городской житель, наверное, поэтому Ø люблю подобный вид отдыха*. При втором предикате пропущено местоимение я. Кроме того, анафорическая связность может использоваться для соединения нескольких предложений в составе текстового фрагмента. Например: *Основная моя проблема, которую я решаю с попеременным успехом, раз за разом, на каждом этапе своей жизни – это взаимоотношение и пересечение (или НЕпересечение) "я" и "другие". Решала по-разному – сначала, в подростковом возрасте, было очевидно, что "я" и "другие" – непересекающиеся, далеко стоящие друг от друга окружности. Потом хотелось слиться и раствориться в некоторых "других". Потом как-то неожиданно родился ребенок, который был частью меня...* Все выделенные предикаты относятся к одному Я – автора эссе, но выражено Я соответствующим местоимением лишь дважды.

Еще одна причина, и важнейшая, уменьшения количества форм местоимения я в группе «здоровые» связана с решением самой темы, заданной для эссе. В группе «здоровые» значительное место занимают тексты с обобщенно-личной семантикой. Это означает, что пишущий не фиксирует свое внимание на собственном Я, а соединяет себя с другими Я, что выражается местоимениями *мы, вы, ты*. Тем самым авторы в группе «здоровые» решали тему эссе не в индивидуально-личностном плане (собственного Я), а в плане публицистическом – говорили о проблемах соотношения личности вообще и общества, адаптации личности к обществу и др. В группе «здоровые» есть тексты, не имеющие в своем составе ни одного местоимения Я, при этом сохраняющие инклюзивную семантику Я: *Каждый человек пытается продемонстрировать свою индивидуальность, доказать это окружающему миру. Но так ли оно? Насколько мы уникальны? Люди рождаются в социуме. Под влиянием общества они приобретают большинство своих навыков, умений, становятся личностью. И вот уже для него существует две стороны мира: внутренний мир и мир, который окружает его. Быва-*

ет, что человек находится в полной гармонии, он уравновесил значение внутреннего и внешнего мира, они не противоречат друг другу. Но может случился такое, что два мира находятся в дисбалансе, в постоянной борьбе. Как же следует жить? К чему нужно стремиться? Как раз на эти вопросы каждый имеет свой ответ, свою точку зрения, этим человек и проявляет свою индивидуальность.

Можно предположить, что срединное по употребительности местоимения *я* положение группы «шизофрения» обусловлено большим количеством анафорического синтаксического нуля: *Вообще мало людей знает, что я болею. Ø **Стараюсь** об этом не распространяться, так как Ø **боюсь**, что люди не поймут. Сейчас Ø **нахожусь** в <клинике>, здесь мне очень хорошо. Ø **Появились** подруги* («шизофрения»). Но материал показывает: по употребительности техники анафоры с *Ø* (опущенное местоимение *Я*) группа «шизофрения» не отличается от группы «здоровые», различие между этими группами лежит в области проявления соединенности *Я* с другими, т.е. в том, реализовано ли обобщенно-личное значение.

Группа «депрессия» показала максимальное количество употреблений местоимений первого лица единственного числа, что, с одной стороны, можно связать с малым объемом речевой тактики и, как следствие, наличием нескольких изолированных микротем в рамках эссе: *Я очень долго болела, чтобы что-то внятное о себе сказать **Мне** было очень тяжело до отчаяния./ С уверенностью можно сказать, что у меня есть душа. Я человек великодушный и щедрый./ Мой внутренний мир долгое время был черной дырой страдания. С другой стороны – с потребностью пишущего каждый раз заявлять свое Я заново: Я перестал ощущать реальность. Когда моя болезнь началась, я кружил в фантасмагории чувств, реальности и мыслей. Но сейчас мое сознание находится в равновесии и я заново поглощаю и изучаю реальность. Мне пока сложно сказать, что я ощущаю, потому что я ощущаю очень мало всего. Но постепенно все возвращается к норме. Я в это верю. Если проще, то я только выстраиваю свое отношение к другим и миру.*

Особенностью текстов группы «депрессия» является возможность (и потребность?) дистанцирования от собственного *Я*. В данной части исследуемого корпуса часты высказывания

с так называемыми предикатами третьего лица при характеристике *Я*. Семантика этих предикатов такова, что они позволяют сформировать отстраненный взгляд говорящего на предиктируемый личный субъект, что неестественно (и противоречиво) по отношению к себе, и поэтому они обычно не применяются при самохарактеристике. Важное свойство отстраняющих предикатов в их прототипическом (стандартном) использовании – соединение оценочной лексической семантики и Он-субъекта (форма третьего лица; второго лица – в вопросительных и побудительных предложениях с отрицанием), но не Я-субъекта, а при соединении Я-субъекта и подобного предиката в рамках настоящего времени возникает смысловое противоречие: *Я странный человек - Он странный человек; Я нежная - Она нежная*. Справедливости ради следует отметить, что в современной диалогической речи наблюдается тенденция использовать такие предикаты применительно к себе, что имеет целью создание иронического, экстравагантного эффекта: *Я хам или в контексте уступки: Я человек терпеливый/ добрый, но...* Однако примеры из корпуса свидетельствуют о другой тактике – о серьезности самохарактеристик авторов эссе: 1) *Я довольно замкнутый человек*; 2) *Я знаю, что мой характер достаточно необычен; ...я отдельная личность, в которой есть и что-то свое, удивительное, новое*; 3) *Я не приспособлен к жизни в реальном мире. Я слишком изнежен родительской опекой*; 4) *Я человек великодушный и щедрый*; 5) *Это сочинение приоткроет завесу жизни обычной девятнадцатилетней девушки по имени ... – моей жизни* (группа «депрессия»). Подробно о соединении *Я* с предикатами третьего лица как художественном приеме [5].

В исследуемом корпусе обнаруживаем глагольные формы, регулярно употребляемые без местоимения *я*, но прочитываемые в связи с *Я*. По употреблению этих форм существенных различий между тремя изучаемыми группами выявлено не было. Речь идет о так называемых метатекстовых употреблениях глаголов *начну, скажу, могу/ можно/ следует сказать* и подобных, в одинаковой мере употребляемых в эссе групп «здоровые» и «шизофрения». Эти формы не связаны с основным содержанием текста, их задача – структурирование текста, внешняя (композиционная) связность: *Насчет мира, то скажу так* («здоровые»); *Итак, начну это эссе, которое может показаться*

сумбурным, так как у меня нет структурированного плана. *Буду описывать все то, что у меня имеется в голове («шизофрения»).* Общей особенностью текстов группы «шизофрения» является стремление к структурированности, внешней оформленности, что, помимо метатекстовых предложений, обнаруживается в сильных позициях текста – начале и конце, обозначенных специальными словами: *здравствуйте, на этом все, спасибо.*

Речевые глаголы без я в первом лице единственного числа могут также употребляться для выражения модальных значений. В этой функции речевые глаголы весьма характерны для группы «депрессия», встречаются и в группе «здоровые» (и отличают обе названные группы от группы «шизофрения»): *Не могу сказать, что мне стало понятнее, почему так происходит, но временами от этого становится теплее; Не могу не сказать, что мое отношение к миру также изменилось. С уверенностью можно сказать что у меня есть душа; Еще можно добавить, что я очень скрытен и замкнут («депрессия»); Мир? Основа жизни, или же лучше сказать о мире как о взаимоотношении людей между собой; Хотелось бы отметить, что человек истинно находит свое предназначение, смысл в жизни благодаря природе, слиянию с ней («здоровые»).*

2. Местоимение Мы

В исследуемом корпусе текстов встретилось два основных значения личного местоимения *мы* и притяжательного *наш*, а также соответствующего синтаксического нуля: (1) конкретно-референтное, прикрепляющее к говорящему еще кого-то (*мы с Машей, мы = я и родители и т.п.*), (2) обобщенно-личное, включающее Я говорящего в человечество вообще: *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим* (Крылов). Рассмотрим, какие значения и в каком соотношении обнаружались в каждой из трех исследуемых групп.

В группе «здоровые» значительно преобладает обобщенно-личное значение, что обусловлено осознанным выбором текстовой стратегии пишущего: многие авторы делали акцент на свойствах всего мира и всего человечества, отодвигая свое индивидуальное Я (и собственную историю, собственный опыт) на второй план. Соответственно, в их текстах оказываются частотными общие суждения с обобщенно-личным субъек-

том: 1) *Насколько мы уникальны? Люди рождаются в социуме. Под влиянием общества они приобретает большинство своих навыков, умений, становятся личностью;* 2) *Наша жизнь начинается с того, что мы делаем все возможное для того, чтобы найти в ней смысл. Окружение, которым мы окружены, мир, в котором живем, активно помогают найти этот смысл, этот путь;* 3) *Жизнь не стоит на месте. Так что и мы постоянно развиваемся, изменяемся, стремимся к совершенству и улучшению своей жизни. Конкретно-референтное мы встретилось в единичных примерах: В том году, встретившись с сестрой в центре, незаметно для себя прошли 16 километров пешком. При этом за разговорами мы не чувствовали абсолютно никакой усталости, мы просто гуляли по центральным улицам Москвы («здоровые»).*

Напротив, в группе «шизофрения» чрезвычайно частотно конкретно-референтное *мы*, которое расширяет личную сферу Я пишущего: 1) *...у меня есть несколько друзей детства, с которыми мы общаемся с трех лет;* 2) *Ее зовут Маша, она прекрасный друг и мы вместе ходим на фитнес и содаем на права;* 3) *Семь лет с нами жил дядя Сережа, мамин мужчина. Папой мы его никогда не называли;* 4) *Был друг, с которым мы сидели за партой, но, который снижал мою самооценку до нуля своими подтролливаниями уже в мою сторону. Обобщенно-личное мы для этой группы не характерно, встречается редко (Все мы разные и по-разному воспринимаем этот мир-группа «шизофрения»).*

По количеству употреблений местоимения *мы* группа «депрессия» сближается с группой «шизофрения», но соотношение между двумя значениями *мы* здесь иное. В группе «депрессия» преобладает обобщенно-личная семантика (что сходно с группой «здоровые»): *Но ведь мы не зря появились на свет, и жизнь каждого что-то значит для других людей и для нашей планеты. Мы — часть бесконечного космоса, вечности, Вселенной; Любой человек носит в себе свои персональные рай и ад. И мы балансируем на лезвии между ними (группа «депрессия»).* Крайне редкими оказываются случаи конкретно-референтного значения: *Свою инициативу я делегирую своей маме, которая, в свою очередь, делегирует ее обратно мне. В итоге мы сидим у разбитого корыта («депрессия»).*

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что состояние депрессии соотносится с за-

трудненностью соединять себя с конкретными личностями, но, с другой стороны, с возможностью дистанцированно смотреть на мир, включая себя в состав всего человечества (сравни также соединение Я с предикатами третьего лица как проявление дистанцированности от собственного Я). Группа «шизофрения» дала несколько иную картину: мышление, рассуждения авторов эссе в большей части текстов ограничены личной сферой, которая во многих текстах обозначается как "мой/свой мир" (*Мой мир претерпел изменения; Мне хочется впасть в свой мир и другие меня пытаются растормозить; Мой мир—это Джером Джером; Мой мир тесно связан с моей болезнью*). Это означает, что пишущие из группы «шизофрения» подчиняют своему Я все остальное, при этом остальное носит довольно частный характер.

3. Местоимения ТЫ и ВЫ

Эти местоимения также могут читаться в двух значениях — обобщенно-личном и адресатном (конкретно-референтном). В значении адресата речи выбор формы числа местоимения зависит от реального количества адресатов и от категории вежливости.

В группе «здоровые» местоимения *ты* и *вы* употребляются преимущественно в обобщенно-личном значении: 1) *Гармония с окружающим миром может привести тебя к разным исходам*; 2) *Приятно найти людей, с которыми ты можешь быть собой*; 3) *В нашем мире нельзя жить несоциализированным, ты просто не выживешь*. 4) *Пусть весь внешний мир будет против вас, это не будет иметь абсолютно никакого значения. Ведь ваш мир будет в этом одном человеке*. Таким образом, в группе «здоровые» обобщенно-личность выражается тремя местоимениями — *ты*, *вы*, *мы*. Количественного перевеса того или иного местоимения не обнаруживается. По-видимому, выбор местоимения для выражения обобщенно-личного значения объясняется авторскими предпочтениями. Все три местоимения могут чередоваться в рамках одного текста или одно из них может стать приоритетным выбором автора эссе.

В группе «шизофрения» отмечаются неоднократные употребления местоимения *ты* в обобщенно-личном значении, в то время как местоимения множественного числа *мы* и *вы* в обобщенном значении для этой группы неха-

рактерны. Эта избирательность может свидетельствовать о том, что при шизофрении основное направление обобщенно-личности — от частного Я ко всем, как распространение частного-индивидуального опыта на всех; техника включения себя в общий опыт для этой группы нехарактерна. См. примеры: 1) *Другие квартиры недостижимы, недоступны, даже малейшие образы не пробивают, а искривляют зеркало. Быть уверенным в том, что ты в нем видишь невозможно*; 2) *В конце концов, ты понимаешь, что ничего о себе не знаешь*.

Группу «депрессия» отличает ограниченное употребление местоимений второго лица — как единственного, так и множественного числа — в любом из значений — как адресатном, так и обобщенно-личном. Редкий пример текста, построенного на *ты* «обобщенно-личном», которое в этом тексте оказывается заменителем Я: *Момент четкого осознания, что ты лишняя, настигает тебя* маревом ночного пожара. *Молния. Удар в солнечное сплетение выбивает воздух из легких. Ты лишняя всегда и везде. Ты не вписываешься, ты неудобная, ты мешаешь, ты разочаровываешь — в первую очередь саму себя, но и, ежедневно, ежесекундно — других. У тебя отсутствует личность, поэтому ты выстраиваешь ее для людей, бережно, как остов корабля, но твое судно рушится от малейшего ветерка, стоит тебе потерять контроль. А ты теряешь его день за днем, минута за минутой*. Этот пример подтверждает мнение, высказанное более 100 лет назад А.М. Пешковским, что в «обобщенно-личной» форме второго лица единственного числа с наличием *ты* или его отсутствием (синтаксическим нулем) «личное прячется под выработанные в языке обобщительные формы» [6, с.276;7]). Анализируемые здесь тексты расширяют наши представления о языковых механизмах обобщения: поскольку мир автора эссе замыкается на его Я, то обобщение касается одной личной сферы, а не распространяется на всех людей вообще. Пример с синтаксическим нулем второго лица единственного числа: *Уговариваешь себя не думать о смерти, а получается совсем наоборот. И вроде понимаешь, что такое времяпрепровождение абсолютно неконструктивно, а сделать ничего не можешь. Когда на меня накатывает очередная порция подобных мыслей, я всегда пытаюсь найти себе утешения* («депрессия»).

Обсуждая проблему второго лица, следует также учесть такой параметр, как диалогичность/ монологичность текста. Известно, что наличие форм второго лица в прямом значении свидетельствуют о диалогической ориентированности текста. Сравнение трех групп текстов показывает разную степень их диалогизированности. В группе «здоровые» адресатные *ты* и *вы* крайне редки, что связано с монологизмом текста, заданным темой эссе. См. *ты* адресованное (редко): *Господи! Благодарю тебя за каждый прожитый день!* Местоимение *вы* может употребляться риторически – как показатель адресованности высказывания, знак обращенности высказывания к читателю (редко): *А может вам не нравится ваш мир, но вы привыкли жить в нем? Подумайте о детях, которые с помощью других меняют миры. Я думаю, что у вас тоже все обязательно получится.* В группе «здоровые» все конструкции, обусловленные ориентацией на адресата (второе лицо, вопросы, повелительное наклонение), носят риторический характер, т.е. используются для внутренней диалогизации, экспрессивного развития темы в рамках одной субъектной сферы – сферы Я пишущего: *О каком слиянии с природой, нахождении себя, смысла может идти речь?; Спрашивать, за что мне дано все это счастье – глупо. Ясно, что не за что. Тогда вопрос – зачем? Ответа на него я так и не знаю.*

В группе «шизофрения» приведем примеры местоимения второго лица множественного числа, адресованного доктору: *А после смерти моего брата мир как будто померк без него, и начались мои страдания, и появилась болезнь, от которой с вашей помощью я надеюсь оправиться, а также форму повелительного наклонения, обнаруживающую потенциального слушателя – адресата: И снова инструментом поддержания уверенности в себе стало, угадайте, что? Конечно новое шмотье.* (Отмечаемые в данной группе формулы приветствия и благодарности в начале и конце текста также могут рассматриваться как адресатные.) В группе «депрессия» диалогичность сведена к нулю. Даже приведенные выше примеры с формами второго лица не являются свидетельством диалогичности текстов.

4. Временные формы глагола

Согласно статистическим данным, три группы различаются по количеству форм прошед-

шего времени. Максимальное количество зафиксировано в группах «депрессия» и «шизофрения», минимальное – в группе «здоровые». В группе «здоровые» вполне ожидаемое преобладание форм настоящего времени, заданное темой и жанром (эссе). Отмечаются нечастые формы прош.вр.: со значением собственно прошедшего, относящие содержание к плану прошлого, а также с перфектным значением, соединяющим прошедшее с настоящим: результат действия или состояния актуален для настоящего. 1) *С ребенком проще всего, оказалось, поделить поляну – наверное, потому, что к 40 годам все еще много подросткового бунта у мамы осталось, а двум подросткам довольно просто договориться друг с другом;* 2) *Постепенно сложилась компания, в основе которой лежит моя дружба с "девочками", и это удивляет меня до сих пор: доброжелательный, но стеснительный человек, я оказалась в центре компании (перфектное значение).*

В группе «депрессия» отмечается особая тактика развития текста, при которой в сравнении сталкиваются два временных плана – прошлое и настоящее или, реже, настоящее и будущее: 1) *Моя жизнь раскололась на два этапа: до болезни и после нее. До болезни я ощущала себя счастливой, радостной и энергичной девушкой. Сейчас во мне царят другие чувства;* 2) *То, какие мечты и какие намерения у меня были (появились) в районе 20 лет, в настоящий момент перестали ощущаться по-настоящему желаемыми;* 3) *Я заболела депрессией. Эта болезнь стала переломным моментом, когда мое «Я» умерло – я потеряла равновесие и попала в свой ад;* 4) *Перед тем, как лечь в <клинику> я как-то не обращал внимание на других людей и не задумывался о том, как устроен мир. ... И только теперь лежа в палате, я задумываюсь о том, что бы было, если меня не стало;* 5) *Раньше мой круг общения был очень велик и часто я притягивала людей к себе. Сейчас эти люди превратились в чужих мне людей (прошлое – настоящее);* 6) *Пока мне уютно в своем крохотном домике, но однажды — я в этом уверена, и это придает мне сил — я разрушу все окружающие меня стены (настоящее–будущее).* Идея временного рубежа выражается разными языковыми средствами: лексически, существительными и глаголами (*раскололась, два этапа, переломный момент*): парами противопоставленных темпо-

ративов (до болезни – сейчас, в районе 20 лет – в настоящий момент, когда моя болезнь началась – сейчас, перед тем как – только теперь, раньше – сейчас, пока – однажды (в будущем)); перфектным значением глаголов совершенного вида (раскололась, стала), а также соотношением форм прошедшего времени несовершенного вида и настоящего времени (ощущала – царят, кружил – находятся, не обращал внимания – задумываюсь). Глагольные пары в тексте «прошедшее время совершенного вида – настоящее время» семантически аналогичны перфекту (представляющему границу прошлого/ настоящего, переход от одного состояния к другому). Можно предположить, что автоматический подсчет темпоративов, называющих временные участки в прошлом и настоящем, может статистически сильно выделить группу «депрессия» среди других испытуемых; этот прием мог бы стать подспорьем для выявления глаголов с перфектной семантикой, которая не так легко поддается автоматическому поиску и анализу. Еще пример: *Я точно могу сказать, что в последнее время мне стало легче общаться с людьми, ушло до этого момента постоянно присутствующее раздражение.*

В группе «шизофрения» имеются тексты с тем же тактическим приемом сопоставления жизненных периодов и, соответственно, тем же соотношением временных планов. Однако временной перелом и противопоставление выражено не так остро, как в группе «депрессия»: 1) *Раньше я был необщительным, замкнутым человеком. Однако в какой-то момент осознал, что мне нужно общение, я этого хочу. ... На данный момент я стараюсь общаться с разными людьми;* 2) *За все время моей работы ни разу не встречался человек, с кем я работала и чтобы он провел со мной время не на работе. ... Сейчас нахожусь в <клинике>, здесь мне очень хорошо. Появились подруги;* 3) *Люди смотрят на все одинаково, я был в этом убежден, так как был сосредоточен на себе. После критической ситуации, стал по другому мыслить («шизофрения»).* Отмечаются более пространные фрагменты, посвященные прошлому, идея перехода от одного состояния к другому часто относится к временному плану прошлого и может быть выражена неоднократно, серией предикатов прошедшего времени: *Был друг, с которым мы сидели за партией, но, который снижал мою самооценку до нуля своими под-*

троливаниями уже в мою сторону. Спасло только то, что в мае я полетел в Дубай и чувствовал себя после этого на высоте. Класс 11-ый. Опять начался с того, что перед учебным годом я купил себе много крутых шмоток и вошел в него с небольшим чувством доминантности. Потом в доминантность вошло то, что я начал читать книги. Демонстративно. На уроках, на переменах. И мне нравилось показывать этим, что вот он, каким я стал интеллектуалом. Читал Ремарка. Потом мне подарили самый свежий на то время Iphone 5.

В группе «шизофрения» представлены тексты, построенные как протяженный рассказ о прошлом: 1) *В детстве я была бесппроблемным ребенком. Сама учила уроки, мама мне никогда не помогала. С детства мне внушали, что если я не буду хорошо учиться, то стану дворником. Из-за этого я всегда плакала, когда получала плохие отметки. Мы с братом выросли без папы... За обширной серией предикатов прошедшего времени, отнесенных к плану прошлого, может следовать краткое резюме, относящееся к настоящему моменту:* 2) *Отучился я в обычной школе семь лет, потом я поступил в кадетский корпус. Отучился там два года, которые остались в памяти по сей день. Самое лучшее время в моей жизни проходили именно там. Затем я поступил в колледж, где по состоянию здоровья пришлось взять академический отпуск. Потом я доучивался в обычной школе и учился там экстерном 10 – 11 класс. Потом я пошел работать курьером, а затем продавцом в салон связи “Мобил Элемент”, где я встретил свою жену. /Сейчас все мое время занимает работа и семья. Также я люблю своих родителей. У меня есть увлечение, я люблю играть в компьютер;* 3) *В школе меня почти постоянно гнобили за одежду, за внешний вид и т.д. и т.п. И друзей у меня, к сожалению, было немного. За счет всех вышеперечисленных факторов, «Мой Мир» страдал и развивался болезненно, наращивал комплексы. / Возможно, сюда можно добавить мир музыки, который спасает меня в трудные времена и дает поддержку. Хотя даже он сейчас потихоньку умирает.* Обращает на себя внимание то, что прошлое представлено в группе «шизофрения» конкретикой действия, а настоящее – качественной, эмотивной характеристикой, интерпретационно (примеры выше).

Представляется, что граница (или даже разрыв) между прошлым и началом болезненного состояния или настоящим и планом будущего (выздоровлением) осознается в группе «депрессия» весьма остро. В этом ее отличие от группы «шизофрения», где время осмысливается более слитно, как единая линия прошлое–настоящее с нерезкими волнообразными участками (соответствующими предикатным сериям с перфектными исходами), а деление на главные, важные, и второстепенные события жизни отсутствует.

Заключение

По завершении анализа исследуемого корпуса текстов возникает вопрос: какие из релевантных характеристик, отличающих группы друг от друга, обусловлены состоянием испытуемых, а какие – тематикой и жанром сочинения.

Очевидно, что насыщенность текстов группы «здоровые» формами настоящего времени и малая представленность в них форм прошедшего времени зависит от заданной темы (скажем, при решении темы «Как я провел лето» картина временных форм была бы иная). Малое по сравнению с другими группами количество местоимений первого лица единственного числа объясняется как темой (многие в группе «здоровые» решали ее в плане общечеловеческом, отвлекаясь от индивидуального Я), так и таким естественным свойством текста, как связность, которая держится, в частности, на анафоре – синтаксическом нуле (опущение местоимения). Однако сама тема предполагала обращение к Я своему или других, к личному опыту либо к общим гуманитарным ценностям (что предполагается не всякой темой, сравни, например, тему «Московский Кремль при Иване Грозном»). При этом большая употребительность форм прошедшего времени (как сигнал зависания автора эссе в прошлом) при разработке темы «Я, другие, мир» может считаться тематически необоснованной и в группах «депрессия» и «шизофрения» становится диагностическим признаком.

Если тема настраивает пишущего на обращенность к Я, то можно ожидать, что группа «депрессия» покажет более весомое количество форм местоимений первого лица единственного числа, чем другие испытуемые, в силу потребности многократно заявлять собственное Я. Наблюдения позволяют выдвинуть предположение, что если при решении темы, затраги-

вающей Я, обращение к обобщенно-личным высказываниям будет ограничиваться самой темой, то минимум употребительности форм местоимений первого лица единственного числа на фоне глагольных предикатов прошедшего времени может показать группа «шизофрения» (а не «здоровые»).

Самым ярким параметром, отличающим все три группы вне связи с темой эссе, является морфологическая база обобщенно-личного значения, обнаруживающая разные мыслительные механизмы: для группы «здоровые» характерны все три местоимения (и соответствующие формы глаголов) – *ты, вы, мы*, для группы депрессии – *мы* (возможность присоединить свой опыт к общему), в группе «шизофрения» обобщенно-личное значение не так востребовано; обобщение, если и происходит, то посредством подведения всех под свой собственный опыт. Однако этот параметр семантически сложен, автоматический поиск морфологической формы местоимения должен быть дополнен целой группой условий (в частности, учетом времени, семантики, частеречной принадлежности предиката).

В целом исследование показало, что различие между группами испытуемых с разным психическим статусом лежит не в сфере владения элементарными морфологическими формами, что статистический анализ форм должен идти рука об руку с лингвистическим анализом и объяснением. Все это в будущем позволит сформулировать более сложно организованные автоматические запросы, затрагивающие целые пучки значимых языковых характеристик, которые смогут вывести междисциплинарные исследования, осуществляющиеся в области анализа текста, на качественно новый уровень понимания психики и законов порождения текста, а также разработки темы в связи с состоянием психики.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Чудова Н.В., Кузнецова Ю.М., Пенкина М.Ю., Минин А.Н., Станкевич М.А., Смирнов И.В., Любавская А.А. / Лингвистические характеристики текстов психически больных и здоровых людей // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2018. Т. 11. № 61. С. 1.
2. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Иванова П.О. Оценка текстов, написанных больными эндогенными психическими заболеваниями // Психиатрия. 2019. № 1(81) (в печати).

3. Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. Т.5. М.: Языки славянской культуры. 2013. С. 92 – 121.
4. Онипенко Н.К. Категория лица в грамматике и в тексте // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и в целостном тексте. Т.6. М.: Языки славянской культуры. 2017. С. 200-224.
5. Никитина Е.Н. Стилистика грамматики в поэтическом тексте (на примере стихотворений Б.Ш. Окуджавы) // Труды Института русского языка РАН. 2014. 2. С. 352 - 358.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: УРСС. 2001.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры. 1997.

A Cognitive Linguistic Interpretation of Statistical Analysis Results Based on Texts by Persons with Mental Disorder

E. N. Nikitina ^I, N. K. Onipenko ^{II}

^I Ltd "Computer systems LKS" Moscow, Russia

^{II} Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The paper is devoted to cognitive analysis of essays written by persons in clinical depression and schizophrenia within a psychological experiment. The paper combines a linguistic interpretation of statistical text analysis results (such as statistically significant number of personal pronouns *ya*, *my*, *ty*, *vy* and corresponding possessives and past tense forms of verbs) and direct discourse analysis with such linguistic terms and instruments as category of person, category of tense, significant absence of pronoun (so called syntactic zero, anaphora), predicate (especially 1-st and 3-d person form and semantics), text strategy and text composition. The concrete-referent (*my/vy/ty s mamoy*) and generalizing (*my/vy/ty* as the whole of mankind) meanings of personal pronouns are regarded. Special attention is paid to morphological base of the generalizing meaning and ways of its realization in different clinical groups. Thus, depression chooses *my*-form (as a personal inclusion of speaker in general community experience) and schizophrenia prefers *ty*-form (as an attempt to include a potential addressee into speaker's personal experience). As the essays of the two clinical groups showed a considerable amount of past tense forms, the paper interprets their semantics and traces it in association with the clinical status of speakers.

Keywords: statistical text analysis, clinical depression, schizophrenia, cognitive and discourse analysis, text strategy, category of person, category of tense, personal sphere, dialogue, speaker's inclusion.

DOI 10.14357/20718594190307

References

1. Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Vorontsova, O.Yu., CPudova, N.V., Penkina, M.Yu., Minin, A.N., Stankevich, M.A., Smirnov, I.V., Lyubavskaya A.A. 2018. Lingvisticheskie kharakterisiki tekstov psikhicheskikh bol'nykh i zdorovykh lyudey. Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal. V. 11.61.
2. Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Vorontsova, O.Yu., Ivanova, P.O. 2019. Otsenka tekstov, napisannykh bol'nymi endogennymi psikhicheskimi zabollevaniyami. Psikhiatriya. 1 (81) (in press).
3. Onipenko, N.K. 2013. Model' subyektnoy perspektivy i problema klassifikatsii egotsentricheskikh sredstv [Subject perspective model and classification problem of egocentric means]. Problemy funktsional'noy grammatiki: Printsip estestvennoy klassifikatsii. T.5. [Issues in functional grammar. Principle of natural classification. V.5]. Saint-Petersbourg. 92–121.
4. Onipenko, N.K. 2017. kategoriya litsa v grammatike i tekste [Category of person in grammar and discourse]. Problemy funktsional'noy grammatiki: predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste. T.5. [Issues in functional grammar. Predicative categories in a sentence and discourse. V.6]. Saint-Petersbourg. 200–224.
5. Nikitina, E.N. 2014. Stilistika grammatiki v poeticheskom tekste (na primere stikhotvoreniy B.Sh. Okudzhavy) [Stylistics of grammar in poetry (from the evidence of the poetry by B. Okudzhava)]. Trudy Instituta russkogo yazyka RAN, 2. [Vinogradov Russian Language Institute Proceedings, 2]. Moscow. 352– 358.
6. Peshkovskiy, A.M. 2001. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. Moscow: Editorial URSS.
7. Bulygina, T.V., and Shmelev, A.D. 1997. Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (from the evidence of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola Iazyki Russkoi Kul'tury. 576 p.